

КРИСТАЛЬНАЯ
Клетка

Лиза Захарова

Кристалльная клетка

<https://litres.ru/74166754>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мива знала цену тёмному колдовству - её руки давно запачканы кровью. Но даже так она не ожидала, что древний обряд обернётся катастрофой: вместо силы в её сознании поселилось что-то. Чужой голос, утверждающий, что помнит события далёких времён. А ещё он украл её память, силу и возраст.

Теперь Мива - снова 18-летняя студентка, которая не помнит даже заклинаний для экзамена. Но это мелочь по сравнению с тем, что ей угрожают влиятельные студенты, норовящие втянуть её в грязные интриги, а кристаллы, источник силы, таят угрозу, способную уничтожить мир.

Сможет ли Мива довериться своему незваному гостю, который знает о ней всё - даже то, что она старалась забыть.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	35
Глава 4	49
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Лиза Захарова

Кристалльная клетка

Глава 1

От каждого шага деревянные половицы прогибались. Скрип впивался в уши, к подошвам высоких ботинок, затянутых на узкую шнуровку, липла кровь. Нехорошо. Слуге придётся повозиться, чтобы отмыть пол, вычистить каждую узкую щель, каждую дырку. Конечно, она могла бы помочь ему и убрать всё колдовством, но Все начинают с малого. И она начинала.

Женщина прикоснулась к пышным волосам, затянутым на затылке в тугую причёску. Из-за спины послышался тихий плач, переходящий в скулёрж. Откинув седую сухую прядь с лица, колдунья вновь зашагала по комнате. Девушке пора замолчать.

— Дорогая, если ты не замолчишь, я склею тебе рот.

Женщина дошла до резного широкого стола. Провела тонкими узловатыми пальцами по вырезанному волку на боковине и улыбнулась. Хороший стол, из дорогого, но уж больно горячего вида дерева – такие в её родной стране не росли. Ей пришлось повоевать за него. Обидно, что тогда в огне сгорело и кресло. Весёлый был вечерок, даже жаль, что она

скоро об этом забудет.

От нового, отчаянного воя, женщина крутанулась на каблуках, и огонь, пожирающий фитили свечей, освещающих подвал, затрепетал. Примитивный способ получать свет, но сейчас не должно быть никакого лишнего кристального воздействия – оно только помешает ритуалу.

Она шла к лежащей, плотно привязанной к полу девушке. Золотые волосы той небрежно разметались, спутавшись колтунами в крови. Бледные, почти бескровные руки подрагивали.

— Учитель, пожалуйста

Женщина замерла и диковато глянула на посиневшие, еле шевелящиеся губы. Ей хотелось скользнуть взглядом дальше – увидеть зелёные яркие глаза, обычно искрящиеся добротой и весельем. Глаза, так напоминавшие о несостоявшейся дружбе Неловкий шаг, и она оступилась, каблуком попав в расщелину между досками. Нога чуть не подвернулась, и носком она шкрябнула по полу. Женщина посмотрела на вычищенную обувь, и по рукам пробежал холодок. Тени, отбрасываемые тусклым светом, подрагивали на тёмной блестящей коже ботинок, будто пытаясь скрыть три маленьких пятнышка. Рука потянулась к карману юбки, и пальцы судорожно стали перебирать шерстяной подол. Ей срочно нужно было достать носовой платок.

Девушка на полу зашептала, нарушив благоговейный треск свечей, начала качать головой. До слуха донеслись сло-

ва защитного призыва, которому колдунья научила ту лично. Женщина довольно хмыкнула. Призыв-то был её собственного сочинения, и он против своего создателя бесполезен. Тем более проводник она отобрала. Если только бедняжка не возомнила себя мастерицей, способной к прямому колдовству. Женщина фыркнула. Даже она пока не сумела овладеть подобными навыками.

Наконец нащупав карман, она быстро выудила шёлковый платок.

— Алистер — прохрипела девушка. — Ты же мне как мама — продолжала стонать та.

Рука дрогнула, и платок упорхнул из пальцев, закружился и накрыл вытекающую из раны кровь. Женщина заторможенно смотрела и не препятствовала. Она в момент позабыла, что нужно воспользоваться проводником и заставить платок вернуться в руку. Вместо этого в голове почему-то крутился рецепт апельсинового пудинга, и что, когда всё закончится, она обязательно его приготовит. Колдунья удовлетворённо промычала, представляя, как скоротает сегодняшний вечер, поедая пудинг и попивая горькое пиво. Главное, оставить себе напоминание, иначе после ритуала забудет и об этом.

На валяющийся под ногами платок она решила не обращать внимания. Пройдя по пропитавшейся кровью белой ткани, женщина перешагнула через раскинутую в сторону бледную тонкую руку. Пальцы девушки до сих пор подраги-

вали. Бровь взметнулась вверх, недовольно изогнувшись.

— Ну ты и живучая, дорогуша, — провела она рукой по волосам, снова прощупав затылок.

Она собиралась идти дальше, но почувствовала, как что-то ухватило за каблук и потянуло. Это были ослабевшие пальцы. Женщина выдернула из захвата ногу и замерла. Ей хотелось наступить на раскрытую ладонь и прокрутить набойкой каблука. В ушах уже стоял чей-то истошный визг и хруст костей, перед глазами — трясущиеся пальцы и тонкий красный ручеек, окрашивающий персиковый ковёр. Крик, разрывающий помпезно обставленную комнату, казался ей очень знакомым. Ведь это её собственный крик. Она дотронулась до ладони в перчатке и пнула тянущуюся к ней руку. Какие ненужные воспоминания полезли в голову.

— За что — прохрипела девушка.

— Хорошо, ты сама виновата. Свидетельница мне Талли-
дория, я тебя предупреждала.

Одним шагом женщина оказалась возле головы девушки. Приподняв подол юбки и опустившись на корточки, она поспешно поддела тонкую цепочку, спрятанную под рубашкой. Её проводник. Металл обжёг, сопротивляясь, и женщина цокнула. Пора бы уже привыкнуть и хвататься за проводник только рукой в перчатке. Большим пальцем она осторожно, едва касаясь, провела по серому матовому плетению. Даже сквозь грубую ткань она ощущала пульсацию, будто у металла было сердце. Женщина вздохнула. Можно сказать —

так и есть. Насильно запечатанный с помощью её крови дух бился в артефакте. Почему-то они никогда её не любили и не хотели подчиняться. Колдунья стиснула цепь в кулаке, в надежде, что хоть так причинит неугомонному духу боль. Был бы сговорчивей, она бы и не измывалась над ним.

Краем глаза женщина заметила, как дрогнули бледные губы, и девушка попыталась покрутить головой.

— Н-нет, — сейчас её голос звучал совсем тихо.

Неужели решила помереть? Давно пора.

— Боюсь, что под конец ты совсем разорёшься, и перепугаешь слуг. Так что, — женщина поглубже вздохнула, — насладись тишиной.

Она резко накрыла рот девушки, плотно стиснув её губы. На тыльной стороне ладони заплясали тени. Под отчаянное мычание, тихие всхлипы женщина концентрировалась на артефакте. Она покачивалась словно в трансе, глаза её закатились, и задёргались веки. Цепь разогрелась до того, что металл покраснел, и тепло стало проникать сквозь перчатку, защищённую знаками северных народов от воздействия запечатанных духов.

Всхлипы стихли, и наступила долгожданная тишина. Больше девушка губами не шевелила. Женщина заметила тонкую дорожку слез на щеке, блестящую в тусклом свете. Тряхнув рукой, она поднялась и осмотрелась: начертанные на полу знаки достаточно залило кровью. Скрипнула под ногой половица – пора начинать.

Никаких подробных записей о правильной последовательности ритуала у неё не было, лишь пара потрёпанных страничек, уцелевших с невероятно дремучих времён и заметки, составленные собственноручно. Намётки да прикидки. Даже название этого мощного ритуала кануло в лету. Может, покопайся она в гримуарах всех когда-либо существовавших народов лет на десять подольше, то смогла бы полностью разобрать и подробно прописать предстоящие манипуляции, но ей хотелось скорее опробовать кровью добытые знания, вымученные годами кропотливых раздумий и не менее опасных экспериментов. Да и как обойтись без щепотки спонтанности?

Женщина осталась возле лежащей девушки. Села подле её ног, где до сих пор был чистый от крови пол, и стала ждать. Когда девица окажется на грани смерти, когда испытает леденящий ужас от неизбежного, и до появления энергетической сущности счёт пойдёт на секунды, ей нужно будет практически умертвить себя. Приносишь жертву, запечатываешь новорожденного духа и подчиняешь его себе – за это получаешь невиданную ранее силу, но теряешь память. Женщина вздохнула. Если бы знала, что девчонка окажется настолько упрямой и будет так отчаянно цепляться за жизнь, выбрала бы в ученики кого-нибудь другого – слабого и больного. Хотя и дух получился бы таким же, никудышным. Девица держалась долго, несмотря на то что кристальной водой колдунья поила ту на протяжении нескольких лет. Рукой без пер-

чатки женщина прощупала запястье своей жертвы – можно было начинать.

Под юбкой прятался кинжал, прикреплённый к голени. Остро наточенный, покрытый витиеватыми узорами. Женщина с лёгкостью вытащила его. Нельзя медлить. Чем дольше она раздумывает и готовится, тем больше сомнений терзают разум. Взмах рукой, тонкий порез на коже запястья. Она отставила подальше от себя руку, чтобы потом не очнуться измазанной в крови, и сосредоточилась на проводнике. Силы покидали её. Хотелось прекратить, прилечь и уснуть. Но женщина боролась. Попытка на успех только одна, и она её не упустит. Постепенно сознание спутывалось. Дрожащие свечи, освещающие подвал то расплывались, оставляя после себя непроглядный мрак, то вспыхивали ослепляющим светом. Женщина проморгалась, рукой в перчатке провела по глазам. Надавив, помассировала закрытые веки. Голова трещала от боли, слова, произнесённые шёпотом, путались. Что-то она делает не так. Но в чём же проблема? Женщина замолчала и открыла глаза.

Потолок над головой. Странно, ведь она не помнила, когда упала. Сев рывком, у неё закружилась голова. Комната покачнулась, и стены покосились в разные стороны. Помотав головой, она внимательно осмотрелась. Вроде ничего не изменилось, но выглядело всё тускло, словно мир утратил привычную насыщенность. Это ей тоже не понравилось. Она скопсилась на свой порез на руке – тот уже затянулся свежей

корочкой. Быстро, слишком быстро даже для её способностей и уровня разрастания кристаллов в теле. Детская радость, внезапно вспыхнувшая в груди, смешалась с нарастающей тревогой. Она медленно поднялась, несколькими резкими движениями поправила юбку и носком ботинка поддела безвольную руку девушки.

— Надеюсь, ты ещё не померла, — рядом раздался собственный голос, озвучив её мысли.

Женщина огляделась — поблизости никого не было. Лёгкое дуновение коснулось щеки, и она развернулась. Голова до сих пор раскалывалась, и комната плыла перед глазами. Мерещится ли ей всё это? Почувствовав рваное дыхание на задней стороне шеи, она отшатнулась и запнулась о лежащую на полу руку. Тихий смешок разрезал тишину комнаты, и у женщины зашевелились волосы на затылке.

— Ну ты и неуклюжая, Алистер, — голос скрежетал. Теперь он не походил на её собственный — хриплый и неторопливый, а напоминал лязг ржавого металла. — Алистер же. Я же прав? — продолжало раздаваться из ниоткуда. — И как ты только стала тем, кем стала? Ты хоть знаешь, для чего этот ритуал на самом деле? Это невероятно потешно, — очередной смешок прозвучал возле самого уха.

— Что ты? Покажись, — потребовала женщина, округлив брови.

Оставалось не так и много времени до конца ритуала, чтобы ещё разбираться с незванными гостями. Опасения по-

встречать какого-нибудь духа-шатуна, пока она пребывает на грани с жизнью и блуждает в иномирье, у неё были, но от ритуала не остановили. С ними бороться как с тараканами – неприятно, утомительно, но возможно. Она плохо разбиралась в концепции иномирья – в молодости её не интересовала эта тема – но смутные представления имела. Это было сродни пыльной кладовки, куда попадали, случайно или нет, разные бестелесные твари, забытые идеи или разрушающие эмоции. Конечно же, самые бесполезные, как она считала. Пока сущность не ответила, женщина махнула рукой и пошла к столу. Она быстро нашарила исписанные листы с изгоняющими знаками, помогающими в концентрации. Отсчитала нужную страницу. В спину ей зашептали:

— Ты издеваешься? Пользоваться этой ерундой? — на секунду ей показалось, что голос усмехается. — Наверное, я ошибся. Я думал существо, что решило попробовать на себе «Время забвения», хоть и исковерканное, не обделено интеллектом.

Женщина глянула из-за плеча, но по-прежнему никого не обнаружила. Светило так же тускло, тело лежащей на полу девушки скрывалось в плотной тени. Взглядом она пробежалась по стенам, потолку – подвал потонул во тьме. Хотя над свечами и трепетали еле заметные оранжевые огоньки, их силы не хватало на освещение всего пространства. Происходящее немного тревожило, но и радовало. Значит, ритуал идёт своим чередом. Только жаль, что сущность прице-

пилаась, но не ей диктовать правила.

Женщина дунула в пустоту перед собой и почувствовала лёгкий ветерок в ответ. Вот же, ещё играть вздумала.

— К сведению для магичек-неумёх, я ничего не чувствую, — женщина отчётливо слышала скрипучий смешок. — Но это не удивительно, всё же ты глуповатая провинциалка-сервянка, что ещё с такой взять.

По спине пробежали мурашки. Лет семьдесят как она не позволяла никому проникать в свой разум и будоражить ненавистные воспоминания детства и молодости, и прошлые обиды – ни одному разумному существу из плоти и крови. А сейчас? Какой-то нелепый душок пытается её спровоцировать. Ну уж нет, ни одна сущность не влезет ей в голову! Женщина стиснула зубы и отвернулась, начав открывать потайной ящик. Сейчас она избавится от наглеца, закончит ритуал и разум очистится.

— Да ладно тебе, как там тебя? — спросил голос и затих, но будто спохватившись, продолжил: — Столько имён за сколько? Всего за какие-то сто тридцать лет, я уже путаюсь в них. Это была шутка, — поскрипывая, сущность тараторила в затылок, от чего голова начинала кружиться сильнее. — Раньше чувство юмора у вас, недотёп, сующих везде несносные кристаллики, было интересней. А сейчас посмотри, в тебе кристаллов с целый увесистый мешочек монет.

— Раньше? — уточнила женщина.

Она поставила на стол деревянную шкатулку, покрытую

голубыми извилистыми узорами. Пусть сущность болтает и дальше, главное, чтобы делу не мешала. Если получится отвлечь разговором, та останется беззащитной перед изгнанием.

— Ну что ты цепляешься к словам? Раньше, сейчас, потом, — задумчиво проговорил голос. — Ты вообще понимаешь, что за ритуал проводишь? Эх, видел бы создатель эту галиматью, он бы превратил тебя в змеемуха.

Змеемух Пальцы замерли над покрытой лаком крышкой. Животное, которое вымерло чуть ли не тысячу лет назад. Женщина стиснула кулак, скомкав ткань юбки. Ей нельзя отвлекаться на провокации.

— Не веришь мне? Ну, как знаешь. Кристаллик в коробочке? — возле руки пронёсся ветерок, поддев рукав. — А тебе не кажется, что воняет разлагающейся плотью?

Женщина вздохнула. В нос ударило дрожжевой закваской, кислым сыром и тухлым мясом. Схватив шкатулку и прижав посильней к животу, она обернулась. Родного, дорогого сердцу подвала больше не было. Возле ног вился густой белёсый туман, обволакивая подол. Он скрывал пол, ботинки. Женщина недоумённо огляделась. Рядом скользнула тень. Облетев за спиной, она появилась с другой стороны из-за плеча. Силуэт блеснул серебряным свечением и нырнул в туман, взбив облако лёгкой дымки. В носу запершило от резкого запаха крови, и женщина помахала рукой в перчатке, попытавшись отогнать навязчивую вонь.

Было тихо и темно, но отчего-то туман она видела отчетливо. Дотронувшись до цепочки, женщина ужаснулась. Та не обжигала. Она хотела прочитать связывающие духов колдовские символы, но совсем рядом взбугрилось облако, и силуэт выскочил из тумана, взрывая пространство новым удушающим запахом. Так могли пахнуть трупы. Глаза заслезились. Женщина сдержала рвущийся кашель. Она ненавидела этот запах. Ей стало противно. Развернувшись, она не обнаружила стола – только простирающийся во все стороны туман. Задрала голову – ни потолка подвала, ни звездного неба – чернота, уходящая далеко вверх. Но откуда появилось навязчивое ощущение, что она взаперти? Что бесконечная непроглядная темень давит на неё, словно узкий гроб.

Краем уха женщина слышала тихое бормотание сущности. Прошли всего какие-то мгновения, а она успела позабыть про неё. Нужно было собраться. Раньше она не сталкивалась с подобным. Не зря сравнила пристающих сущностей с тараканами, они любили выползать, чтобы забраться в беззащитное тело колдуна, когда тот допустил ошибку, но стоило глазам раскрыться, а разуму собраться, они тут же разбегались. Либо их сразу уничтожали. Перед ней мелькнула тень, и женщина решила, что пора бы хоть что-то предпринять. Прибегнуть к помощи кристалла она решила в последнюю очередь.

Женщина сделала первый шаг, с трудом подняв ногу – подошва приклеилась к полу. Второй шаг дался не проще. Рыв-

ком переставляя ноги, она медленно двигалась в неизвестном направлении. Тень маячила рядом и помалкивала. Хоть что-то хорошего.

Где они находятся, женщина понимала. Тело её лежит рядом с полудохлой девицей, одежда, наверняка, выпачкалась в крови. Дрожь тоненькими иголочками сковала руки, и она в отвращении повела плечами. Её сознание блуждает в одном из кубов иномирья, а она беспокоится об одежде.

— Не только сознание, глупенькая, — хохотнул голос. Смех почему-то отразился эхом. Женщина хмыкнула, значит, она права — это своего рода пустая комната. Но тут же стало не до усмешек — сущность засела у неё в голове. Меж тем голос продолжил: — Для меня было бы слишком просто ограничиться одним сознанием. Как ты думаешь, существует ли душа? Или как там сейчас это по-научному? А — прозвучало угрюмо, — эфирия Банальненько.

— Я на зуглаговку похожа? — скривив лицо, спросила женщина.

— А что они?

— Люди эфирией ничего не называют.

Тень оплыла спереди и приблизилась. Женщина отшатнулась и с чавкающим звуком наступила на что-то мягкое. Послышался тихий хруст. Нога поехала в сторону, и она еле удержала равновесие. Увидеть, что же там такое по-прежнему не позволял туман. Ветерок коснулся кожи, и женщина посмотрела на силуэт.

— А они не промах, зуглаговцы-то современные, обязательно с ними познакомлюсь, когда выберусь отсюда, — кажется, тень начинала откровенно веселиться. — За что ты их так не любишь? Столько бедолаг под нож пустила. А ведь они тебе помогали, в своё научное сообщество привели.

Глаза непроизвольно закатились — нашла же что вытащить из памяти. То, что это не низшая сущность, женщина убедилась. Абичи и подобные мелкие духи не могли так глубоко проникать в мысли.

— Как мне отсюда выйти?

— А ты, однако, примерзкое создание. Ну ничего, так даже лучше. Мне будет веселей. Я такое устрою вам всем, несносные двуногие, камня на камне не оставлю.

Как же раздражало. Женщина прошла сквозь тень. Она ждала, что ей станет плохо, но ничего не произошло. Она шагнула дальше и под каблуком что-то снова хрустнуло. Пошарив ногой вокруг, показалось, что со всех сторон её окружают тела — надутые, вязкие, парочка окоченевших.

— Ага, ты права. Это мёртвые от твоих же рук. Вот сейчас ты пнула Луиз, — нога замерла. — Помнишь её? Зазнайка Луиз, вся из себя такая правильная Луиз. Ах, скинуть сестру в шахту. Какая ты умничка была. Это забавно, мне нравится. Определённо, ты — нечто.

Женщина молчала. Это произошло настолько давно, что она и не помнила всех подробностей. Почему же она столкнула её? Вроде бы она и не хотела этого делать. Очерта-

ния сестры размылись с годами, да и воспоминания о своей молодости покрылись толстым слоем пыли. Мотнув головой, женщина вздохнула. Пора выбираться отсюда, пока сущность все её грешки не вытащила на поверхность. Чего та хотела? Раскаяния? Нет, этого ей не добиться. Женщина вновь вздохнула. Ничего, после ритуала всё прошлое забудется. Уже скоро.

И она пошла. Тень охнула и поспешила за ней. Хотя в тумане и не было видно, что окружает её, под подошвой она чувствовала размягчённые мышцы и хлипкие суставы между костями, что разрывались от каждого шага. Ноги скользили в расплескавшихся по земле жирах, иногда с громким треском проваливаясь в густой кисель внутренностей.

— О, ты размозжила Жуйса. Хороший был Тоаят, что удивительно для этих рыбоголовых. Малость глуповат, но это неудивительно, учитывая размер их мозга. Тебе его не жалко? Совсем-совсем?

На кого бы она ни наступала, сущность непременно спешила поделиться справкой из её собственной головы. Воспоминаниями она жонглировала проворно, мастерски. Вытаскивала их с поразительной скоростью и озвучивала те факты, о которых сама колдунья давно забыла. Пока сущность трепалась без умолку, про себя она проговаривала последовательно символы из текста и концентрировалась на внутренних ощущениях. Сделать всё нужно быстро, уложившись за несколько секунд. Сунув руку в карман юбки, она нашарила

тонкий складной ножик. Хорошо, что по инерции сунула его сюда, а не бросила валяться в подвале. Раскрыв его, уколола палец. Сущность сбоку болтала:

— Я думаю, что тебе стоит остаться здесь. А я выйду из иномирья пораньше, когда ты ещё была миленькой ученицей. Не беспокойся, — хихикнула она, — я стану лучшей версией тебя, — всерьёз её слова женщина не воспринимала. Никому не подвластно настолько сильное колдовство и перемещение во времени. Даже древним духам. Про магию кристаллов и говорить нечего. Вдруг сущность замолчала, а когда продолжила, зазвучала ещё более издевательски: — Да, юный сэра Ланц будет от меня без ума. Может, я его и не убью.

Это стало последней каплей. Сейчас сущность замолчит навсегда – она её не прогонит, она её уничтожит, хотя жаль, ведь потенциально дух мог бы стать великолепным проводником, тогда бы и ритуал никакой не потребовался. Выдержав руку из кармана, женщина провела кровью по крышке шкатулки. Начертала кривой символ. Сущность стихла. Женщина почувствовала, как покалывает кожу в том месте, где она касается гладкой поверхности. Как сила кристалла рвётся на её зов. Кристалл всегда послушен, в отличие от надменных и упрямых духов. Крышка беззвучно распахнулась – на мягкой подушечке лежал спирально закрученный голубоватый камешек. Сложная ювелирная работа. Никакого свечения или подобной внешней чепухи. Она схватила

кристалл, тот был размером с ноготь мизинца, и посмотрела через него на сущность. Та больше не мерцала.

— Глупыха, им ты ничего мне не сделаешь. Тут он бесполезен, — но словам противоречил голос. Звучал он напряженно.

— Может и так, — женщина кивнула и, ничего не сказав, закинула кристалл в рот.

— Чокнутая, выплюнь! — уже не скрывая паники, завизжала сущность. — Ты не понимаешь, что творишь!

— Может и так.

Женщина проглотила кристалл. Рука снова оказалась в кармане, где лежал нож. Если сущность так боится, то просто вернет её обратно. В любом случае, тело её не пострадает. Ей пора просыпаться, слишком долго она задержалась в иномирье. Она рывком вытащила нож, и лезвие застыло возле горла. Подобный трюк ей доводилось проворачивать и раньше. Сердце заколотилось быстрее. Колдунья выдохнула через рот и ударила себя в горло. Лезвие вошло лишь до середины. Ожидаемо боли она не почувствовала. Но услышала пронзительный хрип. Это стонала сущность. Теплая кровь полилась из раны, пачкая горло, белую рубашку. Тень вспыхнула красным.

— Больно, горю! — задергалась она. Про себя женщина усмехнулась, а ведь та уверяла, что ничего не чувствует. — Я так это не оставлю! Ни мгновения я не задержусь тут больше!

Тень дёрнулась и, увеличившись в размерах, окутала жен-

щину со всех сторон. Пропал туман, а глаза застлала красная пелена. Голова закружилась невыносимо, в ушах засвистел ветер. Тело зазнобило от холода. Женщина завертела головой, но из шеи по-прежнему торчал нож и мешал. Она не спешила его выдергивать. К горлу подступала кислая желчь, стало сложно стоять ровно на ногах. Шагнув, она не удержалась и повалилась на колени. В голове, под самым черепом заскребли когти:

— Что это за кристалл такой? Откуда он у тебя? Как? Ты будешь страдать за это вместе со мной!

Желчь добралась до языка, залило рот, и женщину вырвало. Она уперлась руками о пол и почувствовала мокрую землю. Сжала её. Земля просочилась между пальцами, мерзко облепив кожу. Красная пелена встала перед глазами. Зажмурившись, женщина зашептала цепочку колдовских символов, но не почувствовала никакой духовной отдачи ни от проводника, ни от окружающего пространства. Она поднесла руку к груди, где должна была болтаться цепь, но той не было. До неё медленно начало доходить, что рубашка застегнута по-другому, нет пиджака, а вместо него и вовсе надет жакет. Дрожащие, перемазанные грязью пальцы коснулись шеи – того самого места, откуда должен был торчать нож. Но и его не было. Голову пронзила вспышка боли, и она упала лицом в землю.

Глава 2

Темнота, запах мокрой земли, и жгучая боль на внутренней стороне ладони. Я чувствовала, как по лицу крупными каплями хлестал дождь, а во рту стоял кислый травянистый привкус земли. Меня тошнило, ощущалась слабость во всем теле, не хотелось шевелить даже пальцами. Я лежала, распластавшись на земле, раскинув в стороны руки и пыталась собраться с силами. В мыслях неразбериха, перед глазами голубоватая пелена и тяжёлые веки не подчиняются. Я раздраженно вздохнула и через силу распахнула глаза. От боли голову будто раскололо пополам, и куст, который я видела неподалеку, закружился. Ко всему этому начало казаться, что под черепом что-то скребётся, ползает и распирает изнутри.

— Да неужели ты очнулась! Давай поднимайся, хочу увидеть результат твоих стараний.

Сперва я испугалась, услышав незнакомый скрипучий голос, что кто-то посторонний нашёл меня в подобном состоянии, но отбросила подобные мысли. Всё равно кто меня нашёл, сейчас было не до этого. Я проморгалась. Как же болела голова! Но хотя бы куст передо мной больше не кружился. Дождь неистово заливал всё вокруг и не позволял рассмотреть окружение. Да где же я? Шевельнув рукой, я почувствовала траву под пальцами. По коже поползла волна мелкой

дрожи — одежда вымокла насквозь, волосы колтуном скатались в районе шеи и меня затрясло от жуткого холода.

— Вставай, я не хочу, чтобы ты померла. Всё же теперь нас двое. Но не думай, что я тебя прощу. Как же я зол! — чем дольше голос говорил, тем больше кружилась голова.

— Какой-то бред, — прошептала я.

Не мог же голос доноситься из головы? Это ведь не помешательство? Я попыталась подняться, но левую руку будто опалило огнём. Стиснув зубы, я облокотилась на здоровую и оттолкнулась. Волосы тёмными верёвками повисли возле лица. Я села на колени и поднесла больную руку к глазам. Под слоем грязи на внутренней стороне ладони, пересекая её горизонтально, виднелся тонкий кривой порез.

«Однозначно делал это дилетант неумёха, ещё и в жуткой спешке», — от внезапных мыслей стало не по себе, ведь звучали они инородно, словно принадлежали и не мне вовсе. Да хотя бы откуда мне знать, как правильно резать руку?

— Пошарься вокруг, кажется, где-то тут валяетсядохлый попугай, — задумчиво проскрежетал голос, выдернув меня из нарастающих с каждой секундой переживаний. — Мне нужно кое-что проверить.

На мгновение засомневавшись, я всё же послушалась. Всё равно собственных идей, где нахожусь и что делать дальше, у меня нет. Превозмогая разрывающую головную боль, я осмотрелась. Но из-за дождя толком ничего не обнаружила — он заливал глаза и ограничивал обзор. Провела здоровой

рукой по траве. Никакого попугая. Голос молчал, и на четвереньках я проползла немного вперёд, не переставая разглядывать землю. От холода клацали зубы. Подол испачканной мокрой юбки тянул назад, не давая возможности двигаться быстрее. Мне казалось, что я ползаю по кругу. Идея послушаться неизвестный голос теперь воспринимался полной ерундой. Я должна была искать помощь, а не копошиться в грязи под непроглядным ливнем.

— Давай, давай, не робей, вперёд. Ты мне должна.

— Пошёл ты, — вырвалось у меня под перестук зубов.

— Если найдёшь дохлую птичку, то я так уж и быть немного расскажу, что же с тобой приключилось. Я добренький, в отличие от тебя, — голос хохотнул, и я схватилась за голову. Будто камнем огрели.

Я продолжила искать. Решила, что пока доверюсь, ведь ничего не помню. Возможно, потеря памяти временная, но здесь и сейчас действовать опрометчиво показалось глупостью. Пока пробиралась сквозь завесу дождя, я выуживала из воспоминаний всё что могла. Оказалось, что всё-таки я что-то помню. Но уж очень странными были эти воспоминания и размытыми — как далёкие-предалекие сны. Вроде основной сюжет помнится, но стоит начать распутывать клубок ближайших событий, получается полная путаница и ерунда.

Птица никак не находилась, и меня это злило. Я чихнула. Не хватало ещё подцепить заразу и умереть от подобного невесёлого приключения. Стоило подумать о болезни, как в

голове всплыло воспоминание — мама, поправляющая шаль на моей шее и причитающая, что для семьи будет неплохо иметь своего колдовского лекаря, а не вываливать лишние деньги всяким шатающимся пройдохам. Кажется, она намекала, что мне надо попасть на факультет врачевания. Вместе с размазанными образами до меня доносились далёкие ощущения — решимость, перемешанная со злостью. Странное сочетание. Я нахмурилась. Почему-то казалось, что это происходило лет сто назад. Никак не меньше. Но вспоминая об этом сейчас, я совершенно ничего не ощущала, словно мне безразлична эта женщина, и её наставления.

— Что за чепуха у меня в голове?

Голос отозвался:

— Ну ты и хамло. О собственной матери так говоришь? Когда мы встретились, мне показалось, что ты воспитанная.

— Ответь на поставленный вопрос, иначе я твоего попу-гая искать не буду.

От резкой боли перед глазами потемнело, поплыло и трава под ногами смазалась в одно тёмное пятно. Я хлопнула себя по лбу — именно там скреблись когти внутри черепа. Это было невыносимо. Меня затошнило, слезы брызнули из глаз, и я закричала. Боль стихла также резко, как и появилась. По языку разлилась солоноватая кровь из прокушенной щеки.

— Приятно познакомиться — я твой друг из черепной коробки. Советую со мной дружить, — хохотнул голос. — То, что ты вспомнила — это действительно было в прошлом. Там

правда не шаль была. Твоя мамаша специально купила шёлк, он был расписан зелёными кругами и розовыми каплями — полная безвкусица, — голос чуть ли не хрюкал от смеха. Я же, не переставая, растирала лоб — он будто чесался изнутри. Но прогнать навязчивое ощущения мне не удавалась. — Твои одноклассницы раскритиковали его, и платочек ты сожгла в тот же день. Бедненький.

Рассказ ясности не внёс, но я всё же решила продолжить поиски попугая. Не стала нарушать устную договорённость, ведь ещё не ясно, что за мерзкий голос звучал в голове и кому принадлежал. А вреда тот наносил немало. Поэтому я решила подыгрывать ему и впредь.

Когда я перестала чувствовать пальцы на ногах от холода, наконец наткнулась на бездыханный трупик. Незамедлительно последовал радостный скрежет:

— Всё, теперь я всё понял. Давай, поднимайся и пошли. Твоё тело пора вернуть в тёплую кровать.

Я осмотрела искромсанное кривыми порезами тельце, сравнивая с раной на ладони. Однозначно — поработал один и тот же человек. Нажим и угол наклона совпадали. Очевидно, что это сделала я, но зачем? Я нахмурилась. Далёкие образы замелькали перед глазами: насмехающиеся женские голоса, шуршание дорогих юбок и размытые давно позабытые лица. Старая обида кольнула в груди, но тут же растворилась в настоящем — в безразличии к этим событиям и людям. Я попыталась прорваться глубже, снова всколыхнуть ускольза-

ющее чувство, но не вышло. Пустота.

Пошатываясь, я поднялась и зачем-то отряхнула подол, резким движением провела по рукаву, прилипшему к коже, ещё сильнее испачкав руки. Загребая ботинками кашеобразную грязь, поплелась наугад.

— Теперь правее, — командовал голос. Удивительно, но когда он не кричал и намеренно не скрёбся, то почти не мешал.

— Откуда ты знаешь? — спросила, когда пробиралась через высокие кусты. Стало сложнее перебирать ногами — я поднималась в горку.

— Я про тебя всё знаю, — усмехнулся голос, и больше ничего не ответил.

Больше мы не разговаривали. Я очень устала. У меня болели ноги, знобило тело и тратить силы на потенциально бесполезный разговор казалось глупостью. Ведь ещё ничего не понятно. Сначала стоило найти безопасное место, как следует отдохнуть и набраться сил. Потом вступать в дискуссии.

То, что на первый взгляд ощущалось небольшим склоном, на самом деле оказалось оврагом. Благо, что положим. Я впи-
валась ногтями в землю, но ноги разъезжались в стороны, и приходилось изворачиваться, чтобы не съехать обратно. Голос пытался подбадривать — я слышала его скрежет где-то в затылке, но меня это лишь злило. Скрипя зубами, я посильней оттолкнулась и вцепилась за торчащий из земли толстый корень. В темноте, под проливным дождём сперва я его даже

не видела. Ладонь запульсировала от боли – схватилась я левой рукой. Во рту снова почувствовала привкус крови. Я пыталась упереться поудобней – переставляла ноги по склону, загребала землю коленом, чтобы попытаться встать на него, но тем самым лишь скорее вымывала почву. Это было невыносимо и жутко раздражало. От усталости затряслась рука, и я вцепилась в корень второй. Ноги разъехались окончательно, и я со всей силы влетела лицом в грязь, так и повиснув.

Что мне хочется больше – взвыть от безысходности или выдернуть корень, а затем уничтожить этот склон, будь он неладен, я не определилась, поэтому просто закричала. Закричала настолько громко, что захрипело горло. Дождь тут же хлынул в рот, и я закашлялась. Пальцы расцепились, и на животе меня прокатило вниз по склону. Я упала в натёкшую лужу. Злость плескалась внутри меня, бурлила ярость. Я села на колени и с силой хлестнула по воде. Один раз, второй. Даже скрежещущий голос не мог вразумить меня. Я лупила эту лужу с такой ненавистью, что будь вода молоком, однозначно бы взбилось масло.

Когда заболели руки, и закружилась голова, я в последний раз ударила по воде и прислонилась к склону. Ярость схлынула внезапно. Закрыв глаза, я вздохнула. Теперь льющийся дождь казался мне чем-то приятным и ласковым, его прохлада остужала пылающую кожу. Открыв глаза, я посмотрела вверх. На что я вообще злилась, или на кого? Какая глупость, ведь я ничего не помню.

— Сделай что-нибудь, или я навсегда останусь в этом проклятом овраге, — сказала и, опираясь о колено, поднялась.

Что мне ещё оставалось? Помирать в луже в мои планы не входило.

— А что я могу сделать? — как-то робко отозвался голос, и заскрёбся около уха. — Я пока ничего не могу делать, — звучание переползло к затылку.

Я поморщилась. Это было крайне неприятное чувство.

— Прекрати! Не делай так больше! — крикнула я перед собой, и покачала головой. Глупо кричать. Эмоции пока будут только во вред. Я развела руками. — Тогда скажи, что ты вообще можешь? Или ты совершенно бесполезный?

Немного помолчав, голос ответил:

— Ладно. Видимо, про это ты забыла за сто лет. Воспользуйся кристалликом своим.

Кристаллик? Рот скривился. Я стала искать нужные воспоминания, и один образ услужливо проступил на первый план: куполообразный потолок, весь из алмазного стекла, арочные проёмы, оплетённые нежными цветами, лёгкий ветерок, колышущий зелёную ленту, и пальцы, перебирающие кулон на цепочке. И при этом всё меня почему-то сжирала обида. Но на что или кого, я не могу вспомнить. Я возвращаюсь в настоящее – рука тянется к юбке, туда, где должны быть карманы. Но на таком фасоне их обычно не бывает. Сквозь слои грязи я нащупала складку, идущую вдоль шва. Брови округлились – всё же крохотный карман у этой юбки

имелся. От воды ткань загубела, пальцы плохо слушались, но я почувствовала тонкую скрученную цепочку. Потянула за неё и вытащила небольшой кулон. Поднеся его поближе к лицу и приглядевшись, я убедилась, что это тот самый камень из воспоминаний.

— Неужели я не бесполезный? — усмехнулся голос. — Впереди меня ждут весёленькие деньки. Ведь я твой гарант выживания, — тихо похихикивал он, ползая под черепом и вызывая лёгкое головокружение.

— Благодарю, — отозвалась я, решив проигнорировать последние реплики.

Неприятное ощущение прекратилось, и, на моё счастье, голос больше не отзывался.

Если присмотреться, камень выглядел как самый простой кусок кристалла. Размером с монетку. Я крутила его в руке, пытаюсь разобраться, что нужно делать.

— Жаль инструкция по эксплуатации не прилагается, — прохрюкал, смеясь, голос. — Как всегда, когда нужна, её нет.

Я не придавала значение непонятному выражению.

Хорошо было бы припомнить теоретическую часть, но хоть я и была уверена, что учила её – перед глазами снова поплыли обрывочные образы: светлые учебные залы с белоснежными шкафами, забитыми книгами, но что там написано – из головы, как назло, ускользнуло. Что же со мной творилось, в конце концов? Новую вспышку раздражения я проглотила и продолжила копаться в воспоминаниях. Раз

теория сейчас бесполезна, оставалось надеяться на практику. Почему-то я точно была уверена, что мой кристалл один из самых простых, и для сложных заклинаний не пригоден. Этим воспоминаниям сопутствовали самые разные неприятные эмоции. В первую очередь – зависть.

— Да ты вообще гримза завистливая, не удивляйся, — усмехнулся голос.

Я же, не обращая внимание, глубже лезла в воспоминания. Оказалось, что я заканчиваю первый курс Фермийской академии, сокращенно «Ферма», для знатных особ либо одарённых, и уже мало-мальски знакома с правилами взаимодействия со стихиями, которые преподавали ещё в школе, а также с основными техниками по изменению свойств собственного организма. Задрав голову и прищурившись, я посмотрела на предположительную вершину склона, но сквозь дождь ничего не разглядела. То, что изучалось в школе я совершенно не помнила. Вроде какой-то мужчина, лица которого было не разобрать, басом вещал, что у меня склонность к контролю воды. Громкий, отчаянный вздох сорвался с губ. Сейчас бы эта склонность была бы ой как кстати, но я совершенно не помнила, что для этого нужно. Зато как повлиять на тело, чтобы сделать зрение чуть острее, а мышцы более выносливыми я примерно уловила.

Сжав в кулаке кристалл, я начала концентрироваться. Сложно не обращать внимание на колючий холод, и долбящий по голове и лицу ливень, но других вариантов попросту

не осталось. Будто перекачивая по телу внутренний тёплый шарик, я почувствовала еле различимый согревающий трепет в ладони. То отвечал кулон. Меня как ребёнка охватило предвкушение, и концентрация ослабла.

— Давай, давай, это же элементарно, — скучающе вякнул голос и окончательно сбил концентрацию.

— Заткнись и не мешай, — буркнула я и решила закрыть глаза.

Дело пошло быстрее, но мысли каждую секунду подбрасывали новую тему, о которой стоило подумать, и приходилось с усилием от них отмахиваться.

Когда кристалл разогрелся до приятного тепла, я приоткрыла глаза. От ладони исходило слабое голубоватое свечение, будто бы пронизывая кожу. Немедля я приступила к следующему этапу, снова закрыла глаза и сосредоточилась на них. Только почувствовав под веками слабое тепло, я распахнула их. И не сдержала улыбку. Теперь я видела вершину сквозь плотную стену дождя. Внимательно осмотревшись, заметила извилистое, дерево, удобно склонившееся над расщелиной. Сам овраг теперь не пугал. Вместо расщелины – широкая и ровная прогалина, склоны же, сперва пологие, ближе к вершине оказались практически вертикальными. Без колдовства или посторонней помощи я бы отсюда не выбралась.

— Как странно, если я сейчас на территории академии, то почему меня никто не ищет? — спросила я сама у себя.

Но мне тут же ответили в насмешливой манере:

— О, а это достаточно забавно. Но я ничего не скажу.

Тряхнув головой, я перестала размышлять на посторонние темы и уставилась на свисающее дерево. Оно послужит мне добрую службу. Несмотря на воду, достающую до щиколоток, и грязь, забившуюся в короткие ботинки, я рванула к дереву. Снова сконцентрировалась на кулоне, до сих пор зажатом в кулаке.

Мне хотелось прибавить своим ногам и рукам силы, чтобы просто подпрыгнуть настолько высоко, чтобы ухватиться за ствол дерева, а затем с лёгкостью подтянуться, но, подойдя ближе, я почувствовала, что начали покалывать глаза, и моя энергия будто утекала к светящемуся кулону. Нахмурившись, я недоумённо уставилась на руку. Почему-то в воспоминаниях я не помнила подобного.

— А ты что хотела? — откликнулся голос. — Кристаллики вообще обжоры ещё те. Высосут до остатка, так что следи за этим — ты сейчас слабенькая, и я не хочу снова попасть в иномирье.

Я отметила, что нужно обязательно порасспрашивать о чём голос только что говорил. Что за иномирье? Пока же ограничилась насущным вопросом:

— То есть мне самой нужно обрывать связь? Камень этого делать не будет?

Ржавый, как старые несмазанные петли, скрип пронзил голову, и у меня задергалось веко. За ним послышался хохот.

— Этот говнюк? Не смейся меня. Он только жрёт и растёт. Я покрутила рукой, потрясла ей.

— Пока последний вопрос: что будет, если я не оборву связь?

Голос не спешил отвечать, но ощущение, что нечто ино-
родное ползает у меня в голове, сохранялось. Наконец он за-
мер.

— А вот не скажу, сама знания добывай. Хотя, если ниче-
го делать не станешь, то ничего больше не узнаешь в своей
жизни, — сказал он и затаился.

Вёл голос себя странно и разговаривал также, какими-то
загадками. Сперва лез пояснять, когда мне это и не особо
нужно, но о более важном молчал.

Я решила остановиться на первоначальной задумке и уси-
лить только выносливость.

Сконцентрировавшись, послала тепло, исходящее от кам-
ня, к ногам. Оценила предстоящую работу – не торопясь под-
няться по пологому склону, до куда смогу, а затем, цепляясь
за торчащие корни, вскарабкаться выше. В ногах потеплело,
что отдалось более ярким свечением кристалла, и я сосре-
доточилась на руках. Разжала кулак. По глазам резануло голу-
бой вспышкой, и я повесила кулон на шею, засунув его под
блузу. Запрокинула голову, напоследок посмотрев на край
обрыва, и сделала первый шаг.

Глава 3

Почему же меня никто не ищет? Насколько я помнила, преподаватели отличались особой бдительностью и требовали от студентов соблюдения правил, да и сами следовали собственным предписаниям. Что вообще заставило меня тащиться в ливень ночью в такую даль, да ещё и спускаться в овраг? Как не посмотри, но это была глупейшая затея.

Скорее всего я проводила запрещённый колдовской ритуал. И я даже помнила, как читала о нём. Помнила, как обсуждала детали с одной из одноклассниц. Но что было потом и почему я тут? Всё это казалось странным, но вполне закономерным, раз, я никому не сказала, что ушла сюда. Я надеялась, что хотя бы подготовилась, но пока делала вывод, что то ли по глупости, то ли по незнанию загнала себя в ловушку. Возможно, у меня имелся сообщник, и именно он должен был помочь. Но тогда, где он шляется? Ещё и голос решил отмалчиваться – на мои вопросы касательно сегодняшнего дня отвечал лишь раздражающим копошением в голове.

Когда я вылезла из оврага, почувствовала настолько всепоглощающее истощение, что рухнула на землю. Радовало, что пока выбиралась и пыталась прийти в себя, дождь немного поутих. После короткого отдыха, мне нужно было оборвать связь с кристаллом. И это оказалось сложно. Я сконцентрировалась на ощущениях, исходящих от кулона и пе-

редающихся мне, и попыталась приглушить поток блуждающих мыслей. Расслабилась, несмотря на холод. Но вместо ожидаемого, кристалл засверкал голубым ярче, и мне стало совсем нехорошо. Меня затошнило.

— И почему я должен тебе помогать снова? — влез голос.

И как только я на него отвлеклась, тошнота ушла, мне полегчало. Да и сияние поутихло. Склонив к плечу голову, осмотрела кулон – кажется, я поняла принцип.

Я сконцентрировалась на ощущениях вокруг – на мокрой, прилипшей к коже одежде, на грязных, обвивающих лицо и шею волосах. По рукам пробежали мурашки, но кулон почти перестал сиять. Зрение возвращалось к привычному состоянию, заболели от усталости руки и ноги, и пронизывающий до костей холод сковал тело. Я чихнула.

Теперь, почти обессиленная, я петляла по дорожкам академического парка. Одного из самых удалённых от общежитий. Я злилась на прошлую себя, корила за то, что потащилась в глушь, а потом свалилась в овраг. Или залезла туда сама. Ещё и порез на ладони усугублял ситуацию. Он напоминал, что там я занималась не самым хорошим делом, раз попутно убила попугая. То, что это был колдовской ритуал, я догадалась, когда вылезла из оврага и теперь придумывала внятное объяснение. Никто не должен был об этом узнать.

Фигурные клумбы и живая изгородь на мгновение расплылись перед глазами. Всё вокруг потемнело, и я пошатнулась. Придерживая голову руками, я постаралась сосредото-

точиться, и вдруг до меня донеслись встревоженные голоса. Они звучали так далеко, что казались ненастоящими. Из-за живой изгороди я не видела их источника, но теперь хотя бы понимала куда идти, где искать помощь. Может, это ищут меня?

— Оптимистично, — усмехнулся голос. — Но вряд ли это ищут тебя. Скорее всего что-то случилось.

— Если ищут не меня, тогда я точно должна дать о себе знать, — решила я и направилась дальше.

По дорожке я добрела до внушительной статуи на высоком постаменте. Облокотившись на него рукой, решила передохнуть. Тут же мне прилетел упрёк от паразита в голове:

— Ты хоть знаешь на кого облокотилась?

Я мотнула головой. Откуда бы мне знать?

— Не чтишь седины. Это основатель «Фермы».

— Да плевать мне, — прошипела я, дрожа от холода и усталости. Одежда-то моя вся была мокрая, вываленная в грязи.

Чьи-то голоса звучали ближе – теперь они казались прорывающимися сквозь дождь криками. Присмотревшись, я различила впереди голубое свечение – похожее на то, что излучал мой кулон – и с облегчением выдохнула. Это мой шанс.

— Не спеши радоваться, — заскрежетало в голове.

Голос занудел дальше, но я уже не слушала. Выхватив ку-

лон из-под мокрой блузы, я сосредоточилась на нём и почти сразу почувствовала тепло. Требовалось, чтобы он засветил как можно ярче, вытянув при этом побольше сил, чтобы не осталось возможности на дальнейшие расспросы.

— Да уж, видимо, это твоя особенность — палкой тыкать в реку, — тихо вздохнул голос.

Кулон засветился настолько ярко, что я зажмурилась. Но открыть глаза у меня не хватило сил, ноги подкосились, в темноте поплыли цветные кляксы, голубые вспышки. Из последних сил я вцепилась в барельеф на постаменте. Спать хотелось невыносимо. Я сползала на землю. Пальцы разжались, рука плетью повисла вдоль тела и я рухнула в клумбу, попутно ударившись о что-то твёрдое головой. Последнее, что я слышала перед тем, как потерять сознание — строгий женский голос и тихий перезвон колокольчиков где-то совсем глубоко внутри.

Странные пугающие образы парили вокруг меня. Какие-то люди, имён которых я не знала и чьих лиц никогда прежде не встречала; дома — роскошные и самые простые; леса и горы; холодное северное море. Образы сменяли друг друга, но чувства были одни и те же: злость, пренебрежение и скука. В какой-то момент мне стало противно от них. Росло раздражение. Во всех мелькающих картинках, которым перестала придавать значение, я пыталась отыскать хоть что-то красивое или приятное, то, за что могла уцепиться. Но этого будто не существовало. Мне стало жаль человека, жизни ко-

торого я была невольным свидетелем. Даже если эта несносная жизнь по всем вытекающим – моя.

На моих глазах умирали самые разные расы – непрекращающийся калейдоскоп смертей. Неужели всё это происходило на самом деле? Неужели это я виновата? Это я их убила? Сейчас я не испытывала к этим существам ничего, они мне были никем, я их не знала, но почему-то думала, что большинство могли прожить гораздо дольше. Зато тот, чьи-ми глазами я видела происходящее, думал иначе – радость от их страданий заполняла меня, распирала изнутри. Но отвернуться или не смотреть я просто не могла. Будто кто-то намеренно показывал все эти трупы, тыкал плачущими и покалеченными. Наверное, это был тот самый паразит, забравшийся в голову. После наших коротких разговоров я предположила, что мои воспоминания теперь у него.

Когда меня затошнило от всего увиденного, образы стали стираться, краски потускнели. Проваливаясь в темноту, я порадовалась, что позабыла обо всем.

Сколько проспала – не знаю. Просто в какой-то момент начала различать тихое постукивание, шуршание ткани. Я пыталась сосредоточиться на окружающих звуках, но они сворачивались в кашу, сливаясь в монотонный шум. Внимание рассеивалось, и меня снова затягивало в сон без сновидений. В первый раз, когда я смогла приоткрыть глаза, разболелась голова. Пошевелить рукой не получилось, мышцы ощущались деревянными и не слушались. Я повернула го-

лову. За широким, во всю стену, окном по-прежнему было темно. Ночь? Какая по счёту? Сколько я спала? Я попыталась нахмуриться, но лоб разорвало от боли, меня затошнило, и пришлось, ни о чём не думая, рассматривать тёмный сквер – ровные остриженные деревья, кусты, напоминающие животных и фонари, освещающие лавочки тускло-голубым. Их свет напоминал о кристалле. Я встрепелась и попыталась поднять руку, чтобы проверить – на месте ли кулон, но даже пальцем двинуть не смогла. Со стоном я перестала мучать тело и снова уставилась на фонари.

Дождь прекратился. Я смотрела на голубой свет и ждала, когда меня снова захватит сон.

Второе пробуждение произошло на рассвете. Кто-то приоткрыл форточку, и до меня теперь долетал тёплый ветерок. Сквозь тюлевые шторы с улицы проникал солнечный свет и рассеянно падал на простыни, согревая ноги.

Вся комната – по-видимому больничная палата – утопала в мягком персиковом цвете. Стены, расписанные в пастельных тонах и изображающие умиротворяющие пейзажи, больше напоминали картины – дольные луга, цветущие сады, мимо которых текли извилистые реки. Слишком нежно и невинно. Я ожидала от пробуждения совсем другого, думала, что стоит открыть глаза, как на меня тут же набросятся и начнут отчитывать. Мне казалось, что уже всей академии известно о случившемся.

Я ещё раз осмотрела живописные стены, затем взгляд

скользнул на небольшой диванчик, стоящий напротив кровати, перепрыгнул к фарфоровому умывальнику и широкому зеркалу, и остановился на резном белом комод. Безусловно тут было красиво, свежо и просторно, но мне хотелось сбежать и спрятаться поглубже в тень. Будто я не заслужила любоваться подобным. После ужасных видений мертвяков, горечь сожаления грызла меня. Она крутилась в животе, волной разливаясь по телу, и тогда я впивалась зубами в собственные губы, и ковыряла их до крови.

Но всё-таки, это была какая-то глупость. Почему я виновата? Ведь я никому не причиняла зла! Может так проявлялось помешательство? Я попыталась отогнать неприятные мысли, но тут же запульсировало в висках, будто изнутри распирая голову. Я мечтала, чтобы это прекратилось, хотела снова провалиться в сон. Но сколько не жмурила глаза – ничего не помогало. Оставалось одно – беспомощно таращиться в окно и прислушиваться к шелесту листьев.

Пореза на левой руке больше не было. Ладонь не болела, не чесалась – вообще никак о себе не напоминала, поэтому я и не сразу поняла, что розовую здоровую кожу какое-то время назад уродовал кривой порез. Врачи хорошо постарались.

— Да-а, именно врачи — прохрипел сонный голос. — Не я же старалась, трудилась, убирала главную улику твоих ночных походов. Но, да, конечно, это всё врачи.

Подобный упрёк меня разозлил – раздражение вспыхнуло жгучими искрами и словно пламя разгорелось по всему телу.

Я мысленно зашипела:

— Откуда мне знать? Что за упрёки? — я поглубже вздохнула, чтобы успокоиться. Подобное поведение неприемлемо, оно может вызвать лишние вопросы, а привлечение к себе внимание — это не то, что мне надо. Я продолжила спокойно: — И что за внезапная смена обращения? Ты вообще кто — мужчина или женщина?

Сонный голос ответил:

— Без разницы. Как тебе удобней, хоть в среднем роде обращайся, но давай поуважительней

— Завязывай, — я оборвала паразита и уставилась в окно.

Текли минуты, время близилось к шести утра, но ко мне так никто и не зашёл. И это удивляло. Голос в голове тоже помалкивал, отзываясь гулким сопением где-то со стороны затылка. Если бы не наш недавний обмен любезностями и раздражающее похрапывание, я бы подумала, что мне всё приснилось. Такими далёкими казались события в овраге. Я попыталась продраться в свои старые, покрытые толстым слоем пыли, воспоминания; вспомнить прошедший учебный год, детство, но при каждой попытке меня тянуло в сон. Я зевнула, не прикрывая рта, устроилась поудобней, и вдруг с улицы, недалеко от палаты, послышались мужские голоса. Несколько человек о чём-то спорили. И их разговоры мне показались оглушающим взрывом звуков. Пару раз их возгласы сорвались на крик. В первый я нахмурилась и отвернулась, от второго закружилась голова.

— Чтоб им провалиться. Так шуметь! — заползал голос под черепом.

Я обречённо вздохнула.

— Сколько времени я тут лежу? — спросила я у недовольно фырчащего паразита.

В ответ — смешок, тупой и скрежещущий.

— Откуда мне знать? Мне что минута, что день, что сто лет — разница невелика. И я не паразит!

Опять эти невнятные раздражающие ответы. Я неохотно пошевелила рукой — сейчас боль не ощущалась так остро. Определенно, я шла на поправку.

Раз меня не спешили допрашивать, и уснуть уже вряд ли удастся, значит я могла разобраться в происходящем. Ну хотя бы попытаться. Усмехнувшись, я мысленно обратилась к голосу:

— Выходит, ты из иномирья, расскажешь, что это такое, и как ты оказался у меня в голове? — спросила я, стараясь избегать приказного тона.

Как я поняла, голос не особо-то спешил делиться информацией, а наоборот избрал стратегию держать меня в неведение.

— Значит, запомнила про иномирье, — пробурчал он тихо. — Это долгая история.

— Мы и не спешим, — я оскалилась.

Уж больно у него странные противоречия: сперва говорить, что не хочет возвращаться в иномирье, где бы то не

находилось, параллельно утверждая, что не ощущает время. Либо он недоговаривал, либо я чего-то не понимала. Могло ли быть иномирье настолько ужасным, что и мгновение в нём невыносимо? Или за этим стояло нечто большее?

— Следующий вопрос, — отрезал голос, выдернув из раздумий, и тут же у меня закололо в затылке.

Губы растянулись шире. В горле скрутился комок раздражения, но я приказала себе успокоиться. Наверняка это неизвестное существо запросто почувствует мои эмоции. Решив сменить тактику, я продолжила расспрос:

— Из наших коротких разговоров я делаю вывод, что огромная часть моей памяти утеряна. Это так? — спросила и затаила дыхание.

Существо повошкалось, поскрежетало, но соизволили ответить:

— Да, — коротко, но хотя бы правда. Ведь я и сама уже догадывалась об этом.

За дверью послышались шаги. Я скосилась на часы. Меня не покидало предчувствие, что скоро сюда заявится делегация преподавателей. Облизнув губы, я еле слышно прошептала:

— Безвозвратно? — спросила и тут же упрекнула себя, что заговорила вслух.

Не хватало, чтобы кто-то ненароком подумал, что я умалишённая и решил изолировать. Сейчас я ощущала себя ребёнком, который о мире знает только с рассказов тётушек,

и настоящей жизни ещё не хлебнул. Как тут устроено? Что делают с дурачками, их лечат? Исследуют? Но сумасшествие виделось не самым ужасным вариантом, как если бы кто-то догадался о моём добром друге. Дальнейшие размышления оборвал голос:

— Следующий вопрос.

Я даже не возмутилась, решив трактовать ответ как неоднозначный. Из него напрашивался вывод, что теоретически, пока только теоретически, воспоминания можно вернуть. Я задумалась. С ними стало бы легче, я быстрее бы разобралась в происходящем, узнала бы, что за ерунда поселилась в голове, и поняла, как функционирует этот мир, а не занималась бы рыбалкой, выуживая информацию из бульона под названием воспоминания. Но перед глазами до сих пор плавали картинки жуткого сна, в красках показывая ночные страсти.

Приятный ветерок коснулся щеки, пряди, обрамляющие лицо, колыхнулись, и я вздохнула. Может, без воспоминаний даже лучше. Но почему паразит увильнул от ответа? Зачем эти намеки? И тут меня осенило:

— Похоже ты не можешь сам выбраться из моей головы? Тебе нужна помощь, и ты не хочешь раскрывать все карты?

Снова слышались торопливые шаги за дверью; с улицы, где-то совсем неподалёку от окна, стали доноситься громкие разговоры. Паразит молчал. Когда дверная ручка дёрнулась, я не выдержала:

— Так да или нет? Быстро отвечай!

Я заорала, правда мысленно. Гнев плескался внутри — я даже не заметила, как стиснула челюсть. Дверь начала открываться. И тут сущность лениво прошелестела:

— Возможно. Всё возможно, Алистер.

— Кто?

И тут я поняла, что воскликнула вслух.

— Моя дорогая пациентка идёт на поправку.

Я резко обернулась на голос. Худенькая женщина в голубом халате, со светлыми волосами, уложенными волнами на макушке, заинтересованно смотрела на меня. От её радостной улыбки я чуть не ослепла. Прикрыв глаза, я выдавила из себя улыбку в ответ. Женщина впорхнула в комнату и подошла к раковине. Стала мыть руки. Я лениво наблюдала за ней, пока меня не привлекло изящное синие кольцо на указательном пальце. Камень показался каким-то уж слишком массивным, неровным. Краем глаза, я заметила, что женщина смотрит на меня через отражение. Когда наши взгляды встретились, она спросила:

— Привлекло кольцо? — я кивнула. Уголок её губ дёрнулся вверх. — Чаще всего врачам удобней, когда кристалл носится на пальце.

Она обернулась и направилась ко мне. Закрывает форточку, занавесила шторы. Её болтливость показалась странной, и я не удержалась:

— Вы со всеми незнакомцами такая любезная, мадам? —

голос мой звучал неприятно едко. Я нахмурилась. Так уж точно никого к себе не расположить.

Женщина рассмеялась, что ещё больше удивило меня. Если бы ко мне студентка обратилась подобным тоном, точно бы услышала в ответ какую-нибудь колкость.

— Ты была крайне истощена, бедняжка, — от последнего слова у меня дёрнулось веко, — сколько же ты провела одна под дождём? Почему вообще решила сбежать ночью, ещё и в такую ненастную погоду? — она подошла к кровати и вытянула надо мной руку. Кольцо засветилось голубым. Так как я не стала отвечать на её странные вопросы, она продолжила, мило улыбаясь: — Это из-за мальчика? Да-да, наверняка из-за мальчика. Ах, пора юношеской влюбленности. На что только не пойдешь, чтобы привлечь внимание молодого лорда.

Вроде она говорила немного, но я безумно от неё утомилась. Видимо, сказывалось пережитое за ночь. Пока она лепетала про красивых мальчиков и водила надо мной кристаллом, я отвернулась. Стала разглядывать вышивку на шторах. Паразит в голове заскрёбся.

— Ох как она меня бесит! Заткни её, или я буду мучать тебя изнутри, — и тут же я почувствовала нестерпимую боль, будто лезвием рассекли кожу на голове. Существо закрутилось, завращалось змеей. И меня затошнило.

Дрожащим голосом я перебила:

— Меня будут расспрашивать преподаватели или нет? И

где мой кристалл?

Улыбка её потухла. Она кивнула.

— Тебе плохо? Я осмотрела тебя. Думаю, что могу отпустить к себе в комнату.

Паразит прекратил свой безумный танец, и я выдохнула с облегчением.

— Тогда я могу идти? И да, вы так и не сказали, где мой кристалл, — я пошире растянула губы и постаралась изобразить самый невинный взгляд из возможных.

Но вместо желаемого эффекта получила совершенно иную реакцию – женщина напряглась, втянула голову в плечи и отступила назад. Поджав губы, она снова разулыбалась, но уже совсем неестественно. Это было видно. На секунду мне стало её жаль. Видимо, вся её болтливость и радушие – лишь напускное.

Женщина кивнула.

— Сестра Пэм проводит вас до комнаты. Директор с вашей наставницей навесят вас позже, думаю, кристалл у кого-то из них. Не болейте, — сказала она и быстрым шагом поспешила к выходу, осторожно поглядывая на меня через плечо.

Глава 4

— Ты её напугала, — разглагольствовал голос, пока я шла рядом с Пэм. Медицинская сестра оказалась молодой и, к моему счастью, неболтливой. Зато паразита понесло, а заставить его помолчать оказалось практически невозможно. Он просто-напросто меня игнорировал. — Что ж ты в зеркало-то не посмотрела, балда? Вот будет забавно, если ты до сих пор как бабка выглядишь.

Как бабка? Ну уж нет. Но на издёвку я не ответила.

Моё внимание больше привлекала окружающая роскошь: расписанные золотом стены, лепнина по всему коридору и гипсовые младенцы, осуждающе глядящие с потолка. От богатства, давящего своим величием, у меня дёргался уголок рта. Ещё и паразит восхвалял всю эту безвкусицу, радостно попискивая.

Кажется, сейчас было учебное время, ведь по пути нам никто не встретился. Когда мы подошли к широкой лестнице из розового мрамора, я скосилась на сопровождающую меня Пэм — та удручённо смотрела на нежно-персиковый ковёр, устилающий ступени, и неловко топталась на месте, не решаясь шагнуть дальше. Я хмыкнула и, поднявшись на несколько ступеней, почувствовала, что Пэм рядом нет. Она до сих пор не сдвинулась с места и испуганно таращилась на лестницу. Паразит немедленно поспешил это прокомментировать:

— Ну точно кот и огурец, — он ехидненько захрюкал.

— Сестра Пэм, вы там застыли или что? — так хотелось сложить руки на груди, но почему-то я решила повременить с этим. Возможно, я просто не хотела запугать её подобными действиями ещё сильнее. Пока в собственных чувствах я разбиралась скверно.

Пэм подняла полные грусти глаза и тут же увела взгляд в сторону. Я смотрела, как она нервно теребит рукав серого халата. Как мне стоило поступить? Приободрить её или наоборот, нахамить, чтобы поторапливалась?

— Нахами, конечно же, как обычно любила делать. Что ещё за рассуждения, — фыркнул паразит.

— Ты отстанешь от меня со своими бесполезными комментариями когда-нибудь? — ответила я ему мысленно.

— Это уж вряд ли, кто-то ведь должен слушать мои каламбуры, — усмехнулся голос.

Протяжно вздохнув, я обратилась к Пэм:

— Вам нужно выполнить свою работу, как я понимаю, отвести меня в комнату, — наши взгляды встретились, и я махнула рукой на ковёр. — Неужели у вас грязная обувь? Если возникнут вопросы, скажете, что это из-за меня. Мне-то уж ничего не будет за это.

— Но — начала она лепетать себе под нос, но о чём, я не слышала.

Всё же здравый смысл победил, и Пэм пошла ко мне. Я прищурилась, вглядываясь в ковёр, чтобы обнаружить хоть

один мало-мальски заметный отпечаток, но всё было идеально. Да и о какой грязи в медицинском крыле может идти речь?

Пэм прошла вперёд, и я, подцепив подол строгой голубой юбки, доходившей мне до середины икр, последовала за ней. Хоть на мне и была академическая форма, качественно пошитая и, кажется, недешёвая, ощущалась она грубоватой и неудобной, сковывала движения. В такой юбке ногами не помашешь, через несколько ступенек не перепрыгнешь.

— Не смей меня, — подслушав мои мысли, со смешком отозвался паразит, — поверь, нужно будет, умудришься и через три, и через пять ступеней перепрыгнуть.

На очередное непрошенное замечание я закатила глаза, но промолчала. В этот момент Пэм посмотрела на меня со смесью волнения и недоумения.

Пуговицы на форменной блузе находились спереди, что порадовало, и при одевании мне посторонняя помощь не понадобится. Ещё я насчитала несколько карманов — пару на жакете и ещё у юбки.

Мы поднялись на четвёртый последний этаж, завернули направо и теперь шли по длинному широкому коридору. Тут было много розовых, голубых и зелёных цветов. Ну просто обитель невинности и свежести. Из всех нагромождённых ваз, картин и кувшинов с растениями, больше всего мне понравились диванчики в закутках коридора. Уж больно милые у них были ножки — резные и пухленькие. На пару се-

кунд я даже замерла, разглядывая сложный деревянный орнамент.

«Какое уродство!» — пронеслась внезапная мысль, и я отшатнулась. Закружилась голова и всего на секунду, но я оцепенела.

Пэм подошла ко мне и, коснувшись плеча, вывела из этого наваждения. Она улыбнулась, на что я тоже растянула уголки губ.

— Мисс Сорен, я составила о вас ложное представление. Как думаю, и многие.

— А какое, если не секрет? — мы свернули на повороте. По воспоминаниям, где-то совсем рядом находилась общая гостиная для меня и двух соседок.

Стоило подумать о них, как кожа покрылась мурашками. Будто мелкими иголочками дрожь пробежала от шеи к плечам. Нога подвернулась, и я запнулась о ковёр. Кажется, Пэм о чём-то говорила, но я не слышала. Волна ненависти захлестнула меня. Яркими вспышками передо мной плясали картинки — первый день в академии, в овальной гостиной до сих пор стоят неразобранные чемоданы, и я неловко стискиваю пальцами лакированное покрытие белого рояля. Две девушки переглядываются между собой и со снисходительными ухмылками протягивают для рукопожатия ладони. Они ещё ничего не сказали, не сделали, но раздражение накрывает с головой. Эти вечные насмешки и упрёки во взглядах. Я неосознанно сравниваю девиц со своими сёстрами, всеми

такими умненькими и талантливыми. Девушки снова переглядываются — теперь брезгливо. Рыжая склоняет голову набок и хмурится, её чёлка уродливо топорщится в разные стороны. Лицо чернявой ничего не выражает — гладкий мрамор, но зато камушки в волосах так и сияют! Чего они от меня хотят? Дружить? Или поиздеваться? Я отпускаю на их вытянутые руки презрительный взгляд и, ничего не говоря, ухожу в свою комнату, только слыша, как скрипит подошва от резкого поворота.

От всех нахлынувших чуждых чувств, меня вытащил скрипучий голос паразита, и в этот момент я испытала к нему неподдельную благодарность.

— Эй, очнись, — когда бурлящие эмоции перестали терзать меня, я вернула себе способность мыслить и сконцентрировалась на возне в голове, голос продолжил: — А я говорила, что ты мерзкая. Девочки тебе ничего ещё не сделали, а ты как на них!

Я подняла глаза — совсем близко стояла испуганная Пэм. Приподнятая рука, слегка подрагивала, взгляд же суетливо осматривал меня. Она шагнула ко мне, но замерла, торопливо оправив и так прямую юбку под халатом, и произнесла:

— Вы ещё окончательно не поправились. Доктор зря разрешила вам вернуться к себе, — я думала, она начнёт настаивать, но Пэм ничего больше не сказала.

— Благодарю за беспокойство, — сделав вид, что ничего только что не было, и у меня не кружится голова, меня не на-

пугали странные поглощающие сознание эмоции, я прошла мимо, улыбнувшись ей краешком губ.

Пэм сразу приободрилась и как будто расслабилась.

Так мы и добрались до гостиной, двустворчатые массивные двери которой украшали яркие резные цветы. Я перевела взгляд на блестящую начищенную ручку, конец которой сложно закручивался спиралью вовнутрь, и округлила брови. Неужели золотая?

— Роскошно, хоть и пережиток прошлого, — протягивая гласные на манер песни, восхитился паразит. — В мои ранние годы в почёте был минимализм.

Пэм распахнула двери. Передо мной расстился светлый ковер, с вышитыми птицами и сложным витиеватым орнаментом. Лежал он, начиная, от самого порога и занимал всю гостиную. Кажется, мне стоило начинать привыкать к подобному. Взглядом я пробежалась по широким окнам — я уже поняла, что пихать их повсюду — это ещё одно здешнее архитектурное пристрастие; потолку, расписанному пушистыми облаками; мягкой мебели. Задержала внимание на белом рояле из воспоминаний. Ну что ж. Вот я и на месте.

Взглянув на левую ладонь, которую ещё недавно пересекал рваный порез, я провела по ней пальцами. Всё же паразит залечила её превосходно. Теперь же меня терзало любопытство, как именно он это сделал, и сколько всего ещё может.

Голос, не прекращая, жужжал в ушах — ему особо пригля-

нулся камин, украшенный лепниной. Мысленно я усмехнулась, что однажды выкину его из головы и сожгу в этом самом камине. Тут же хлынул водопад самых неприятных слов и оскорблений, но меня это лишь позабавило. Ни одной же сущности надо мной издеваться.

Стоило признать, что гостиная и вправду красивая. В меру вычурно, мебель подобрана в общей голубой гамме и перекликается с потолком. Не слишком много растений и цветов, даже картины выдержаны в одном стиле — морском. В воспоминаниях это место окрашивалось неприятными чувствами — я почти не проводила здесь время. Сейчас же меня ничто не обременяло. Подумав, что вполне смогу привыкнуть к подобной красоте, я уверенно перешагнула порог.

Зайдя в гостиную, Пэм встала возле стенки и сложила перед собой руки. Я почесала макушку и недоумённо осмотрела её с ног до головы. Она робко улыбнулась.

— Мне надо отчитаться перед директором, я дождусь её здесь, если вы не возражаете?

Значит, директор — женщина. Я задумалась, даст ли мне это хоть малейшее преимущество. Пока выходило, что не особо.

Я уже хотела махнуть на медсестру рукой, пусть жмётся возле стены, если ей так угодно, и пойти посмотреть свою комнату, как мне в лоб стукнулся паразит.

— Почему бы не расположить её к себе? Пусть увидит, что ты, — он усмехнулся, — доброжелательная и чуткая.

Я ответила:

— Звучит так, что это тебе надо заводить знакомства. За чем мне это? Она же простая медсестра.

Голос рассмеялся.

— Никто не знает, что может случиться.

Закусив щёку, я задумалась и осторожно глянула на Пэм. Что же она может дать? Но всё же я решила послушать совет паразита.

— Вы собрались здесь стоять всё время? — от внезапного вопроса Пэм вздрогнула и, посмотрев на меня, кивнула. Я развела руками. — Ну уж нет, понимаю, что в общей гостиной вам сидеть нельзя, так что побудете у меня. Да и вдруг мне резко поплохееет, — её лицо в миг побелело, что рассмешило меня, но я предусмотрительно отвернулась и направилась к крайней левой комнате.

Я вошла внутрь, и уголки губ тотчас потянулись вниз: моя комната оказалась обителью простоты и уныния — преобладали здесь серые оттенки и лаконичные формы. Вроде и ничего лишнего, но так скучно, что удавиться хочется. Я с грустью осмотрела будто бы нежилую комнату и поёжилась. Стало неудобно. Разница с живописной гостиной колоссальная. Про себя я усмехнулась, что комната эта точно заколдована — она должна вытягивать силы у моих недругов, заглянувших делать пакости, но пока радости лишалась только я.

На мои помрачневшие мысли ответила сущность:

— Вот у тебя вся жизнь такая была — никакая.

Я перебила её:

— Это хуже моих ожиданий. Да я просто в ужасе!

Услышав за спиной шаги, я обернулась. Пэм стояла в проходе, сжимая подол юбки, её взгляд скользил по комнате, ненадолго застывая на редкой мебели. Кажется, она пыталась случайно не обидеть меня, но я всё прекрасно поняла по перекошенной улыбке. От этого мне стало лишь тоскливей. Она то пойдёт к себе, а мне здесь жить.

Дойдя до кровати, я с размаху уселась на неё. Матрац оказался мягким — это меня немного приободрило.

— Пэм, — задумчиво проговорила я. Она посмотрела на меня, — что мне делать со всем этим? — я обвела рукой комнату.

Голос в голове хмыкнул.

— Ну ты и нашла с чего налаживать контакт.

Пэм потопталась на месте и, обернувшись к двери, посмотрела на неё долгим задумчивым взглядом.

— Думаю, вам, мисс, стоит поговорить об этом с горничными ваших леди-соседей, — она виновато пожала плечами. — Больше я не знаю, чем подсказать.

Я призадумалась над причинами робкого поведения Пэм. Чем оно обусловлено? Неужели здесь все работники такие зашуганные? Всё же хорошо, что я послушала паразита и решила общаться с Пэм вежливо – иметь расположенного ко мне человека в медицинском крыле лишним не будет.

Я предложила Пэм присесть на единственный стул – толь-

ко он из остальной мебели хоть как-то выделялся. Будто бы его выбирала не прошлая хозяйка комнаты.

— Пэм, — я сложила руки в замок и обхватила ими колени, — хотела спросить: есть ли в медицинском крыле книги о редких болезнях?

Мне же нужно было с чего-то начать поиск информации о моём новом друге? Мысль, что это какая-то болезнь, не покидала меня. Ну никак не могла я осознать реальность происходящего — бестелесная дрянь застряла в голове! Звучит как что-то невозможное.

— Я тебе не дрянь! — фыркнул голос, сопровождая свои слова неприятным копошением. Перед глазами замелькали цветные вспышки.

Я следила за Пэм, как та провела рукой по подбородку и, растягивая гласные, ответила:

— Есть, но там всё специфично написано — она будет сложна для вас. А зачем вам? — интерес её показался мне вполне искренним.

— Я не знаю, на каком направлении хочу учиться. Мама настаивает на обучении медицине, но я не уверена. Поэтому и подумала, что если почитаю более сложную литературу, то сердце само подскажет.

Я старалась звучать как можно искренней, даже сперва хотела закусить губу для большей убедительности, но передумала. Слишком ранимой показаться тоже не надо.

— Тебе стоит найти учебник по актёрскому перевопло-

щению, — проскрипел паразит. — Чего-то не хватает на мой вкус.

Я мысленно усмехнулась:

— А ты, я погляжу, ценитель прекрасного? Жаль, что только и можешь, что быть зрителем одного актёра, то есть меня, — съязвила я, и сущность тут же ответила уколom боли в затылок.

Чтобы отвлечься, я сконцентрировалась на задумчивой Пэм. Поймав её плавающий взгляд, я улыбнулась. Она неторопливо ответила:

— Я поговорю с главным доктором. Думаю, это неплохая мысль.

— Конечно-конечно, я верю, что ты справишься, Пэм, — я довольно прищурилась, и легла на кровать.

Больше нам разговаривать было не о чем, поэтому стоило вновь побеседовать с паразитом.

— Нам обоим будет лучше, если ты перестанешь красоваться, Поганка. Чем мы скорее придём к взаимопониманию, тем скорее я от тебя избавлюсь, а ты от меня.

Сущность завозилась, но ответила сразу:

— Поганка? Я похожа на гриб? Что за кличка такая? — затылок саднило, удары тупой боли отдавались в висках. Но я решила настаивать на своём.

— Ты же паразит, как иначе к тебе обращаться?

— А кто в этом виноват? Ты.

Забывшись, я резко выдохнула. Незамедлительно скрип-

нул стул — это подскочила Пэм.

— Мисс, вам плохо? — она взволнованно осмотрела меня, но ближе, чем на шаг не подошла, продолжала мяться возле стула.

— Всё в порядке. Думаю, чем хочу заниматься в жизни, — я махнула рукой, чтобы она отстала, на что Пэм пробормотала извинения и снова села на стул.

Нужно было закончить разговор с Поганкой, поэтому я отвернулась к стене и обратилась к ней:

— Продолжим. Что насчёт убитого попугая? Почему я ничего не помню?

— А мне почём знать? — равнодушно ответила вопросом на вопрос Поганка. — Походило на обряд, — я уже хотела возмутиться, что и так это поняла, но вовремя смолчала, ведь она продолжила: — Этот кусок воспоминаний крайне размытый. Ты кого-то хотела проклясть. А вот кого и чем — я тоже не помню.

Сущность замолчала, и я начала обдумывать услышанное. Первое — никто не должен узнать об этом. Необходимо выяснить, что это за обряд и добилась ли я поставленной цели. Меня тревожило, что какое-то время назад я разговаривала об этом с другой студенткой. Значит, уже один человек знает об этом! А где один, там и сотня. Я прикрыла глаза. Прискорбно. При этом я напрочь забыла, как девицу зовут и как она выглядит. Я пожевала внутреннюю сторону щеки. Могла ли быть эта девушка соучастницей? Что ей известно? Вто-

рое, о чём я переживала — а что, собственно, со мной произошло? Некие прикидки по этому поводу у меня уже были, поэтому я решила поделиться с Поганкой:

— Получается, что на самом деле мне много лет, и когда мы с тобой впервые встретились, я была старой? — она молчала, и я расценила это как подтверждение. Поганка не особо умела врать: она либо молчала, либо отвечала неопределённо, либо пыталась сменить тему. Я продолжила: — Произошло нечто странное, и я каким-то образом очнулась в своём прошлом, но при этом вместе с тобой?

Я думала, что сущность продолжит отмалчиваться, но она моментально вспыхнула:

— Нечто странное? — заистерила она. — Ты сожрала кристалл, долбанутая! — голова разболелась невыносимо, но я, стискивая зубы, продолжала слушать её визг: — Ты ведь и сама не знала, как он работает! О да, сейчас я прекрасно это понимаю

Перед глазами заплясали голубые круги.

— Что за кристалл? Какой-то особенный? — я перебила сущность. Это помогло, и Поганка успокоилась.

— Вот честно, понятия не имею. Этих воспоминаний просто нет. Я всё просмотрела, но что за кристалл, и как он достался тебе, так и не поняла. Как будто ты их спрятала куда-то очень далеко.

После острой боли, мне захотелось спать. Если бы в комнате не сидела Пэм, я бы захохотала в голос. В какой же

кошмар я вляпалась! С Поганкой определенно нужно было что-то решать, потому что подобная внезапная усталость — совершенно ненормально. Придётся как-то уживаться вместе, думать над словами, ведь я не хочу свалиться в обморок от очередного приступа, вызванного её внезапным недомоганием.

«Тоже мне проблемы, я и похуже встречала», — неожиданно для себя подумала я. Ощущение были такие, будто голову распирает изнутри. Благо чувство это прошло также быстро, как и появилось, и, списав это на проделки Поганки, я с облегчением выдохнула.

Зевнув, я через плечо скосилась на Пэм. Наши взгляды встретились, и она добродушно улыбнулась. Вот же сама простота.

Меня тянуло в сон, но стоило погрузиться в поверхностную дрему, как из гостиной послышался звонкий женский голос, который тут же разбудил. Поганка радостно воскликнула:

— Пришли по наши души, изверги! — и хохотнула.

Кажется, она наслаждалась каждой выпадающей возможностью развлечься. Стоило брать пример. Мне же нужно было отвести любые подозрения от себя и ритуала. Вряд ли удастся провести взрослых опытных колдунов, но я была уверена, что смогу снизить их подозрения. Пэм тоже услышала голос и вскочила со стула, начав поправлять юбку и халат. Её необоснованная тревога стала передаваться мне.

Взявшись за голову, я села на кровати. Когда голоса послышались возле самой двери, Пэм с распахнутыми глазищами перепугано уставилась на опускающуюся ручку. Кажется, она боялась больше меня.

— Ну, удачи, что, — протянула Поганка и создала волну боли. Я поморщилась. — Это тебе для убедительной актерской игры. Не благодари.

Дверь бесшумно отворилась, и перед нами предстала высокая женщина с гордо поднятой головой в строгом горчичном платье-плаще, застёгнутом на каждую пуговицу под горло. Госпожа Виссари — директор академии. Завитки её светлых волос прятались в стойке ворота, глаза подведены и прищурены. Пэм коряво присела в поклоне, я же продолжала неподвижно сидеть, держась за голову и неотрывно смотря на директрису. Первое впечатление произведено что надо.

Губы женщины, накрашенные тёмно-красной помадой, изогнулись в лёгкой улыбке, и она шагнула в комнату. За ней прошли ещё двое — мужчина постарше и довольно молодая девушка. Мужчину я не помнила совершенно, но девушку, рассмотрев получше, узнала — это была наставница моего курса.

— Госпожа я мы — начала лепетать Пэм.

— Будьте любезны, — перебила её Виссари, — покиньте комнату студентки.

Я поджала губы. Почему-то такое обращение к медсестре показалось грубым, но защищать я её не стала. Пэм неловко

поклонилась и, потупившись в пол, выбежала из комнаты. Дверь за ней закрылась будто сама собой. Я предположила, что кто-то из преподавателей пользуется кристаллом, но голубого свечения, как было у меня или врача, не заметила.

Я продолжала молча наблюдать. С протяжным кряхтением на освободившийся стул сел мужчина и улыбнулся, от чего его усы забавно дёрнулись. Наставница, переводя внимательный взгляд с меня на директрису, стояла словно в землю проросшая. Она вытащила из кармана очки и нарочито медленно стала разгибать душки. Парочка эта показалась мне престранной. Директор же, не произнеся ни слова, направила в сторону книжного шкафа руку. Ни самого кристалла, ни его свечения я не видела, но с полки выплыло две книги. Это было крайне полезное умение. Мне захотелось научиться также. Тут же в мои мысли влезла Поганка, словно ее мнения кто-то спрашивал:

— Дурная башка, забудь об этом.

Из-под опущенных век я следила за книгами. Они плавно опустились на пол и, вспыхнув голубым свечением, приняли форму стульев. Я округлила брови. Я что, в этот момент моргнула? Не могла же я пропустить самый интересный момент? Чтобы скрыть изумление от увиденного, я уткнулась лицом в руки. Это было удивительно! Я однозначно должна научиться такому трюку. Создавать из одного предмета совершенно другой — должно быть невероятно удобно! Где-то по краю сознания у меня скользнула идея, что это может

распространяться и на живые объекты.

— Сбавь обороты, паршивка, — фыркнула Поганка.

Я хотела огрызнуться, но прозвучавший властный голос, занял все мои мысли. Я посмотрела на директрису — та уже сидела, грациозно закинув ногу на ногу. Лёгкий кивок, и только тогда наставница последовала её примеру, робко опустившись на край стула и сложив руки на коленях. Я почесала затылок. Странно.

— Студентка Мива Сорен, у нас есть вопросы к вам. Будьте любезны отвечать только правду.

Виссари прожигала меня взглядом — он был тяжёлым, давящим. Встречи с таким взглядом хочется по возможности избежать, что я благополучно и сделала, покосившись на свои ногти.

Заправив прядь за ухо, я кивнула.

— Конечно, я готова ответить на любой вопрос, — я робко улыбнулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.